

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.71>

Струк Анна Андреевна

Восприятие Л. Н. Толстого в публицистике дальневосточной эмиграции

Цель исследования - определить особенности осмысления творчества и личности Л. Н. Толстого в публицистике русской эмиграции в Харбине (Китай). Научная новизна заключается в изучении редких архивных материалов (газеты "Заря", "Русское слово") для выявления своеобразия восприятия личности и творчества Л. Н. Толстого в среде дальневосточной эмиграции. В результате исследования выявлено, что личность Л. Н. Толстого вызывает значительный интерес в эмигрантской критике; художественные произведения Л. Н. Толстого интерпретируются на основе биографического подхода; восприятие личности писателя основано на мемуарах, воспоминаниях, наблюдениях очевидцев и практически лишено апологетики; религиозно-философские взгляды Л. Н. Толстого воспринимаются критически.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/12/71.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 12. С. 354-360. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/12/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Means of Expression and Functions of Detail in F. I. Chudakov's Autobiographical Short Story "Shamil"

Lapteva Natalya Andreyevna
Blagoveshchensk State Pedagogical University
rusoved12@gmail.com

The study aims to identify the functions of artistic details in the short story "Shamil" by F. I. Chudakov (1888-1918), a talented writer, whose life and creative work were associated with the Amur region for a long time. The research is novel in that it is the first to introduce the never-studied-before autobiographical short story into scientific discourse and to consider artistic language specificity in the author's prose. The article examines the main details depicting the material world, characterising originality of the characters' psychological state, creating humorous, ironic effect. The research findings have shown that the use of details deepens the message of the work and also helps to identify certain important features of the author's worldview.

Key words and phrases: F. I. Chudakov; autobiographical short story "Shamil"; artistic detail; material world; irony.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.71>

Дата поступления рукописи: 13.11.2020

Цель исследования – определить особенности осмысления творчества и личности Л. Н. Толстого в публицистике русской эмиграции в Харбине (Китай). *Научная новизна* заключается в изучении редких архивных материалов (газеты «Заря», «Русское слово») для выявления своеобразия восприятия личности и творчества Л. Н. Толстого в среде дальневосточной эмиграции. *В результате* исследования выявлено, что личность Л. Н. Толстого вызывает значительный интерес в эмигрантской критике; художественные произведения Л. Н. Толстого интерпретируются на основе биографического подхода; восприятие личности писателя основано на мемуарах, воспоминаниях, наблюдениях очевидцев и практически лишено апологетики; религиозно-философские взгляды Л. Н. Толстого воспринимаются критически.

Ключевые слова и фразы: публицистика русской эмиграции в Китае; газеты «Заря», «Русское слово»; рецепция творчества Л. Н. Толстого.

Струк Анна Андреевна

Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск
anna.struk88@yandex.ru

Восприятие Л. Н. Толстого в публицистике дальневосточной эмиграции

Введение

Литературно-критическая публицистика дальневосточной эмиграции до настоящего времени не подвергалась систематическому научному анализу. Исследование публицистического наследия русской эмиграции в Китае зачастую осложняется недостатком фактического материала, частичной утратой некоторых материалов, широкой географией расположения и хранения подшивок эмигрантских газет и журналов в архивах и библиотеках (Хабаровск, Владивосток, Москва, Китай, Австралия, США). *Актуальность* исследования определяется необходимостью изучения материалов русской эмиграции в Китае, посвященных отечественной литературе, которые являются важной частью национальной культуры XX века. Именно исследование литературно-критических и эстетических публикаций русской эмиграции в Китае позволяет восстановить целостную картину культурной жизни и духовно-ценностных ориентиров «русского рассеяния» XX века.

В работе ставятся следующие *задачи*: изучить публикации дальневосточной эмиграции, посвященные Л. Н. Толстому; выявить проблематику публикаций, отражающих сферу интересов и специфику восприятия личности писателя и его творчества харбинскими эмигрантами; охарактеризовать основные тенденции восприятия и репрезентации личности и творчества Л. Н. Толстого в публицистике дальневосточной эмиграции.

В работе используются историко-функциональный, герменевтический, типологический *методы исследования*.

Теоретической базой исследования, наряду с литературно-критическими публикациями, заметками, очерками русской эмиграции в Харбине (газеты «Заря», «Русское слово»), послужили работы В. Г. Мехтиева, З. В. Пасевич [7], А. А. Хисамутдинова [16], А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой, посвященные изучению наследия дальневосточной эмиграции.

Практическая значимость работы обусловлена необходимостью осмысления литературно-критического наследия дальневосточной эмиграции для восстановления общей картины истории и культуры русского зарубежья XX века. Результаты исследования могут быть применены в ходе дальнейшего изучения публицистики дальневосточной эмиграции, в практике вузовского преподавания истории русской литературы, разработке учебных и учебно-методических пособий.

Л. Н. Толстой в публицистике дальневосточной эмиграции

Статьи, посвященные русским писателям, их литературному наследию, анализу и интерпретации классических и современных текстов русской литературы, являлись важной частью публицистики дальневосточной эмиграции. В газетах восточной ветви русской эмиграции, таких как «Заря», «Рупор», «Русское слово», «Рубеж», русской литературе уделялись целые тематические рубрики. Обращение к творчеству классиков русской литературы, в частности к творчеству Л. Н. Толстого, носило характер популяризации и пропаганды русской литературы в эмигрантской среде, а также являлось своеобразной попыткой сохранения культурной идентичности в условиях изоляции.

Личность и творчество Л. Н. Толстого вызывали в эмигрантской прессе Харбина стабильный интерес. Заметки о Толстом регулярно появлялись на страницах газеты «Заря» (1920-1943 гг.) начиная с 1926 года. Информационные поводы для написания статей о писателе были различными: появление в зарубежной печати мемуаров современников или родственников Л. Н. Толстого, выход в свет новых научно-аналитических работ, посвященных Толстому, проведение в Харбине публичных мероприятий (лекций) о Толстом, интервью с толстовцами и т.д.

Статьи о Л. Н. Толстом в «Заре» публиковали такие представители европейской и дальневосточной эмиграции, как А. В. Амфитеатров (1862-1938), Митрополит Антоний (А. П. Храповицкий) (1863-1936), П. М. Пильский (1879-1941), Г. Г. Сатовский-Ржевский (1869-1943), А. А. Яблоновский (1870-1934), П. Тищенко, Я. Л. Лович, В. Свирский, В. В. Цингер, Р. Словцов.

Корпус публикаций, посвященных Л. Н. Толстому, в периодике дальневосточной эмиграции не так обширен, как об А. С. Пушкине [7], тем не менее позволяет сделать выводы о модусе восприятия творчества и личности Толстого.

Специфика восприятия личности и творчества Л. Н. Толстого в публицистике дальневосточной эмиграции

Собственно художественные особенности творчества Л. Н. Толстого в харбинской публицистике практически не затрагивались; здесь эстетическая мысль дальневосточной эмиграции шла по традиционному пути признания выдающихся достоинств толстовской прозы. Проблемы поэтики Толстого отходили на второй план по сравнению с полемическими трактовками фактов личной жизни и духовных исканий писателя. Характеристики художественного мастерства Толстого, представленные ниже, возникали либо в контексте отзыва на литературоведческое исследование, либо в связи с попытками постижения личности писателя.

Харбинские эмигранты внимательно следили за культурной и литературно-издательской деятельностью Советского государства. Распространенным явлением в эмигрантской публицистике были отзывы на советские литературоведческие исследования и издания русских классиков. Примерами подобных публикаций являются статьи Р. Словцова и П. М. Пильского. Р. Словцов в статье «Новое о Толстом» публикует отзыв на «целый ряд неопубликованных до сих пор писаний Л<ьва> Н<иколаевича>», опубликованный в «юбилейном издании полного собрания... сочинений в пятом, недавно вышедшем, томе» [13, с. 3-4]. Поводом для статьи П. М. Пильского «Дни Л. Н. Толстого» [5, с. 2] становится выход в Москве книги Н. Н. Гусева «Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого» (1936 г.). «К сожалению, меньше всего сведений мы имеем как раз о крупнейших его романах – “Войне и мире” и “Анне Карениной”» [Там же], – замечает П. М. Пильский.

Опираясь на материалы «Летописи...», Пильский дает восторженную характеристику писательской работе Толстого: «Без источников и материалов он не мог и не хотел работать. Его писательская добросовестность бывала иногда чрезмерной» [Там же]. Отмечает присущую Толстому постоянную неудовлетворенность написанным, перфекционизм, стремление работать над текстом, пока он не будет доведен до формального совершенства: «...читая корректуры романа для “Русского Вестника”, Толстой находил, что “все в них скверно и все надо переделать”» [Там же]. Несмотря на «отвращение» и «усталость» от работы над «Анной Карениной», этот роман был дорог Толстому «не только как чисто беллетристическое произведение, но еще и как история перелома в душе Левина» [Там же]. В конце статьи Пильский обращается к характеристике личности Толстого: «...со страниц “Летописи” встает... цельный образ мятущегося, упорного в своих исканиях великого человека... великой и страстной души, никогда не удовлетворявшейся узаконенными формами, обычными и знакомыми путями жизни» [Там же].

Г. Г. Сатовский-Ржевский обращается к анализу творчества Толстого в биографическом аспекте. В статье «Тирания любви» [10, с. 3] Сатовский-Ржевский дает неоднозначную оценку «автобиографическим» типам героев в творчестве Толстого, трактуя их как «мало замаскированные “автопортреты” и проявление “глубокого эгоцентризма”» натуры Толстого [Там же].

По словам Сатовского-Ржевского «все главные герои толстовских творений, – начиная маленьким Николенькой из “Детства и отрочества” и до князя Нехлюдова в “Воскресении”, – Оленин, Пьер Безухов, Левин, герой “Семейного счастья” и т.д., – все щедро наделены чертами характера творца, и в особенности, основной, – эгоцентризмом, ощущением своего “я”, как центра мироздания, способностью видеть мир Божий только в преломлении через призму личного душевного мира» [Там же]. В концепции Сатовского-Ржевского творчество Толстого предстает как прямое отражение личности автора, его пороков и специфических качеств. В этой же статье Сатовский-Ржевский уподобляет отношения Л. Н. Толстого с дочерью к отношениям старого князя Болконского из романа «Война и мир» к дочери Марье: «Кто же не помнит фигуры старого князя Болконского и его отношений к княжне Марии, обращенной им в настоящую мученицу. Старик Болконский

мучился сознанием некрасивости своей дочери и эти свои мученья вымещал на ней же, в то же время безумно ревнуя ее к будущему, возможному... мужу. Почитайте “воспоминания” А. Л. Толстой, письма Л<ьва> Н<иколаевича> к старшей дочери Маше, и вы увидите, что теми чувствами, что и старик Болконский, был раздираем и сам творец “Войны и Мира” в отношении своих дочерей» [Там же].

Загадка личности Л. Н. Толстого, его нравственно-философское учение и его роль в русском обществе, а также проблема семейных отношений Толстого, обстоятельства и психологические причины его трагического бегства из Ясной Поляны – вот основные темы, занимавшие умы авторов дальневосточной эмиграции.

Восприятие личности Л. Н. Толстого в публицистике Харбина часто носило личностно окрашенный, документальный характер: некоторые авторы имели опыт личного общения с писателем (Г. Г. Сатовский-Ржевский в статье «Четверть века “творимой легенды”» [9, с. 3] признается, что «на школьной скамье» «возымел дерзость» написать Л. Н. Толстому письмо и даже получил на него ответ, А. А. Яблоновский в качестве корреспондента «Киевской мысли» присутствовал на похоронах Толстого [18, с. 2], В. В. Цингер пишет: «...я еще зеленым юношей впервые попал в дом Толстых» и «был встречен, как “племянник Раевского” и “сын профессора Цингера”» [17, с. 2] и т.д.), были живы и находились в эмиграции последователи учения Толстого (статья К. Бельговского «Преследование толстовцев» [3, с. 3]), в эмигрантской печати выходили мемуары дочерей Толстого, также находившихся в эмиграции (две статьи Г. Г. Сатовского-Ржевского являются откликами на мемуары А. Л. Толстой – «Трагедия Толстого» [11, с. 2] и «Тирания любви» [10, с. 3]; на основе мемуаров современников и членов семьи Л. Н. Толстого написана также статья Я. Л. Ловича «Великий в мелочах. К 30-летию со дня смерти Л. Н. Толстого» [4, с. 3]). Непосредственный опыт восприятия, личные впечатления от соприкосновения с живым классиком русской литературы составляют значимую часть публикаций о писателе. Толстой воспринимается как живой современник, с которым возможен диалог, даже спор, несмотря на его признанный авторитет. Такая линия восприятия кардинально отличается от восприятия, например, Ф. М. Достоевского, который предстает в публицистике русской эмиграции в Харбине как несколько мифологизированная фигура, «пророк», «провидец», «самый русский среди русских» [14].

Интересно, что восприятие личности Толстого в публицистике дальневосточной эмиграции почти лишено налета апологетики, более того, является достаточно критическим. Ярким примером подобного восприятия Толстого является публицистика Г. Г. Сатовского-Ржевского. На страницах газеты «Заря» Л. Н. Толстому Сатовский-Ржевский посвятил четыре статьи («Тирания любви», 1932 г.; «Трагедия Толстого», 1935 г.; «Четверть века “творимой легенды”», 1935 г.; «Как “пишется история”», 1936 г.), в которых своеобразную трактовку получают личность Толстого, его семейные отношения, трагический уход из Ясной Поляны. Сатовского-Ржевского интересует преимущественно личность Толстого, внешние обстоятельства жизни писателя и их скрытые, внутренние, духовные мотивировки.

В уже упоминавшейся статье «Тирания любви» Г. Г. Сатовский-Ржевский трактует Толстого как «совершеннейший образец природы, глубоко эгоцентрической» [10, с. 3]. Напряженная рефлексия и самоуглубленность Толстого связана, по мнению Сатовского-Ржевского, в первую очередь, с эгоизмом и заикленностью на себе, которые проявляются даже в сочинениях морально-философских и религиозных [Там же]. Познакомившись с «Воспоминаниями об отце» дочери Толстого Александры Львовны, Г. Г. Сатовский-Ржевский пишет: «Эгоцентризм великого человека принимает формы самого грубого эгоизма в его отношениях к наиболее близким ему людям – жене и детям» [Там же]; в конце статьи автор делает вывод, что Толстому был присущ «грубый эгоизм человека, проглядевшего заветы Христа, угрожающие “потерю души” тому, кто чрезмерно занят ее сохранением» [Там же].

В другой публикации, «Трагедия Толстого» [11, с. 2], Г. Г. Сатовский-Ржевский касается темы семейных отношений Л. Н. Толстого. Опираясь на «Воспоминания» А. Л. Толстой, Сатовский-Ржевский анализирует причины семейного кризиса Толстых, причем автор считает «трагедию» семьи Толстого явлением типическим, отражающим универсальные для русского общества конца XIX – начала XX века процессы. «Развал русской семьи» и «развенчание института брака» [Там же], запечатленные Л. Н. Толстым в повести «Крейцера соната», Г. Г. Сатовский-Ржевский считает следствием отступления от традиционного христианского семейного идеала. По мнению Сатовского-Ржевского, причинами кризиса в семье Толстых выступали «духовная рознь с женою» и детьми, усиливавшаяся «по мере развития религиозных исканий писателя», затем, отсутствие приватности семейной жизни, по словам Сатовского-Ржевского, в дом Толстых «позволяли себе бесцеремонно заглядывать и друзья, и недруги, и просто охочие люди», и, наконец, толстовское «отношение к материальным благам», которое подпитывалось «непомерной авторской гордыней писателя» [Там же] и которое не могли разделять все члены его семьи.

Интерес представляет оценка, данная автором статьи источнику материала – «Воспоминаниям» А. Л. Толстой: «Жадно поглощал я каждую строку этих бесхитростных, местами прямо наивных мемуаров, заново переживая, вместе с этою всем русским людям дорогою семьею, все перипетии ее тяжелого, болезненного развала, и каждая новая страница только укрепляла во мне мысль: как было бы хорошо, если бы этот труд А. Л. не увидел света!» и далее: «Вот уж подлинно не ведала, что творила она, публикуя свои “воспоминания”!» [Там же]. Г. Г. Сатовский-Ржевский косвенно объясняет такую негативную оценку: «денежный интерес» побуждает родных Толстого к написанию скандальных мемуаров, которые превращаются в «ходкий литературный товар», а желание «скрыть семейную драму от посторонних глаз» приводит к плачевным последствиям: тень, бросаема на репутацию писателя, сродни «кощунственным выходкам» «предракою чтимого народом святого» [Там же].

Статья-размышление «Как “пишется история”» [8, с. 3] является своеобразной рефлексией на тему «куда собирался направиться Л. Толстой, бежав из родного дома» [Там же]. В эмигрантской прессе иногда появлялись различные предположения по этому вопросу, в том числе высказывались предположения, что Толстой планировал отправиться за границу в Венгрию. Г. Г. Сатовский-Ржевский посвящает свою статью полемике с этими гипотезами: «Трудно представить себе утверждение, более ошибочное и несообразное с действительностью». «Заключать... о положительном желании Толстого прожить остаток дней на чужбине... нет решительно никаких оснований» [Там же]. С точки зрения Сатовского-Ржевского, Толстой был слишком «крепко привязан к низовому родному народу» [Там же]. Кроме того, по мнению автора, бегство Толстого за границу было невозможно по психологическим причинам: «Для него было важнее всего – не упустить мгновенного подъема воли, т.к. если бы он отложил свой “исход” хотя бы до утра, разъездившая его долгие годы рефлексия успела бы сделать свое дело, и он снова отдался бы бесконечным колебаниям, самообвинениям и самооправданиям» [Там же]. Ключ к пониманию причин бегства Толстого из Ясной Поляны нужно искать в его дневниках; они объясняют, как «разъезжающая» рефлексия Толстого мешала «всякому “прямоу действию” в серьезных вопросах». «Бежав, Толстой совершенно не знал, куда бежит. Жизнь в родном доме стала для него до такой степени невыносимой, что потребность “уйти” от нее пересилила все соображения о “куда”. Да – и то сказать, разве для человека его нравственного склада “отойти от зла” не значило, само по себе, “сотворить благо”?» [Там же].

Наиболее значимой для понимания особенностей восприятия личности Л. Н. Толстого Г. Г. Сатовским-Ржевским является публикация «Четверть века “творимой легенды”» [9, с. 3], приуроченная к 25-годовщине смерти Л. Н. Толстого. Автор подходит к своей теме очень осторожно, с оговорками, отмечая, что для того, чтобы писать о Л. Н. Толстом, требуется «идти до пределов смелости»: «Что же может прибавить ко всему о нем сказанному безвестный провинциальный журналист в небольшой сравнительно газетной статье?»; журналисты связаны пониманием «несоизмеримости собственных средств с размерами предметов, каких, по обязанности, нам приходится касаться» [Там же]. Тем не менее любое мнение о великом человеке представляет известную ценность, поскольку «наиболее великий даже человек каждого из смертных имеет два лица: то, какое за ним признано общественным судом, и то, каким воспринял его я сам» [Там же]. Акцентируя субъективность своего мнения о Толстом, Г. Г. Сатовский-Ржевский переходит к формулированию тезисов о писателе. «Искание им высшей нравственной правды проходит красной нитью через все его творчество, через всю его личную жизнь», – пишет Сатовский-Ржевский. «Но никакого стройного, законченного учения в этой области он не создал, а попытка его “исправить христианство” представляется самую слабую сторону всей его литературной деятельности» [Там же]. И далее: «Могу ли я, вместе с Л<ьвом> Н<иколаевичем>, признавать вред не только денег, но и армии, и суда, и полиции, и государства, и даже науки? – Нет, и нет! Что необходимо любить ближнего, как самого себя, это мне внушили и дома, и в школе на уроках Закона Божия, но как достигнуть этого, не питая такой любви, – сочинения Л<ьва> Н<иколаевича> мне не открывают» [Там же]. Сатовский-Ржевский отмечает, что Л. Н. Толстому «было дано так много из всего, чего только мог пожелать самый требовательный земной человек», но он все равно оставался неудовлетворенным и несчастным [Там же]. Причина этой неудовлетворенности жизнью, по мнению автора, кроется в том, что Л. Н. Толстой «являлся натурой глубоко эгоцентрической и больше всего в жизни был занят самим собой», ярко проявлялась эта черта в толстовских «дневниках и дневничках», в которых заметно «микроскопическое исследование... самых незначительных своих поступков... и мельчайших душевных движений» [Там же]. Далее автор резюмирует: «себялюбивые и эгоистичные натуры не могут обрести счастья, поскольку «высшее счастье приходит вместе с растворением личности человека в своем ближнем»; на склоне лет Л. Н. Толстого ждало разочарование в себе и людях, потому что «истинного христианского смирения он так и не смог выработать в себе, несмотря на искреннее стремление к нему» [Там же].

Сходные характеристики личности Л. Н. Толстого можно найти в статьях А. В. Амфитеатрова «Житие без чудес» [1, с. 3] и П. М. Пильского «Мнози борют мя страсти...» [6, с. 2].

А. В. Амфитеатров делает акцент на противоречивости и бурной страстности толстовской натуры, называя Толстого «своенравным богоборцем с самим собой» [1, с. 3]. По словам Амфитеатрова, в Толстом было «много насильственного, согнутого под предвзятые теории», его «тянуло к отречению, что от благой, что от дурной сути своего “я”; вечно бросало во что-нибудь резко противное тайным глубинам его природных тяготений и устремлений» [Там же]. Фундаментальным для понимания личности Л. Н. Толстого А. В. Амфитеатров считает вопрос о вере: «Толстой любил Христа, но закоснелый рационализм препятствовал ему признать Его божественность. Христос без божественности... уже не Христос, Спаситель мира, а кто-то другой, неведомый – и светлый ли? Толстой очень хорошо понимал это и болезненно страдал чуткою душою, что не тот его Христос – как будто, и похож, а нет, не тот» [Там же].

В интерпретации П. М. Пильского Л. Н. Толстой предстает как человек, «все время сдерживающий себя, свою горячую и страстную стихийную силу, неизменный в своем стремлении к дисциплине, ясности и аскетизму», обладающий «беспокойной душой», «страстным сердцем» и в то же время «деспотической требовательностью» [6, с. 2]. При этом существенными чертами личности писателя, по мысли П. М. Пильского, предстают цельность («Духовная жизнь Толстого необыкновенно последовательна в своей внутренней логичности и цельности. Его старость развивала идеи и чувствования, посеянные юностью») и ригоризм («В этом человеке гнездилась великая идейная неуживчивость. Он не умел примиряться». «Во имя этих... правил нравственности бессознательно Толстой делит мир на две неравные части. Есть свои и есть чужие. Существуют единомышленники и несогласные. Первые признаны. Вторые чужды и осуждены» [Там же]).

Основные тенденции восприятия и репрезентации личности и творчества Л. Н. Толстого в публицистике дальневосточной эмиграции

Рассмотрим некоторые тенденции восприятия и репрезентации личности и творчества Л. Н. Толстого в публицистике дальневосточной эмиграции.

1. Художественным особенностям творчества Л. Н. Толстого в критике дальневосточной эмиграции уделялось мало внимания. Упоминания художественных текстов Толстого, как правило, связаны с попытками постижения личности писателя; анализ данных текстов опирается на биографический подход. Авторы эмиграции ставят знак равенства между толстовскими «автобиографическими» героями и личностью самого Л. Н. Толстого. Г. Г. Сатовский-Ржевский выражает мнение, что не только герои-«правдоискатели» Толстого «щедры» наделены чертами характера автора, но и, например, такие персонажи, как старый князь Болконский. Определенный интерес для авторов эмиграции представляет писательская манера Л. Н. Толстого, в которой в том числе проявлялась «страстность» его натуры; характерными чертами писательской индивидуальности Толстого отмечаются его художественное новаторство, неудовлетворенность устоявшимися литературными формами, перфекционизм, писательская добросовестность, стремление к жизненной правде.

2. Одной из важнейших тенденций репрезентации творчества Толстого в публицистике харбинской эмиграции является критика его религиозно-философских работ («Исповедь» (1882 г.), «В чем моя вера?» (1884 г.), «Исследование догматического богословия» (1884 г.)). Несмотря на позиционирование газеты «Заря» как демократического органа, ее авторы часто выступали с консервативно-монархических, националистических и традиционалистских религиозных позиций, что отразилось и в публикациях о Л. Н. Толстом. Взгляды Толстого на религию, брак, собственность и другие общественные институты вызывали неприятие и активно подвергались критике в эмигрантской печати. В газете «Русское слово» (газета имела подзаголовок «Орган национальной русской мысли») был опубликован отрывок из работы митрополита Антония (Храповицкого) о Толстом, в котором взгляды Толстого характеризуются как «оскорбительные для религиозного чувства», указывается на то, что писатель «мало дорожил подлинным смыслом Евангелия» и в целом «религиозные идеи Льва Толстого» отличаются скудостью «сравнительно с православным пониманием» [2, с. 5-6]; Г. Г. Сатовский-Ржевский на страницах «Зари» относит религиозно-философские работы Толстого к самой «слабой» части его творчества, пишет о том, что духовный опыт Толстого невозможно «применить в собственной жизни» [9, с. 3], более того, именно ложные религиозные искания привели Толстого к духовному кризису и отчуждению от семьи [11, с. 2].

Несмотря на неприятие и критику религиозно-философского учения Л. Н. Толстого, ограничения деятельности толстовцев в Советском Союзе вызывали порицание в эмигрантской прессе (например, публикация К. Бельговского «Преследования толстовцев» [3, с. 3]).

3. Самой актуальной для критики дальневосточной эмиграции представляется проблема личности Л. Н. Толстого. Попытки раскрыть тайну личности Толстого, опираясь на обстоятельства его семейной жизни, факты и домыслы, связанные с его уходом из Ясной Поляны и смертью, составляют содержательное ядро большинства публикаций о писателе. Рассмотрим ряд личностных характеристик, которые выделяют авторы русской эмиграции в духовном облике Л. Н. Толстого.

1) Цельность (или, напротив, «противоречивость») натуры. В вопросе интерпретации духовной эволюции Толстого в публицистике харбинской эмиграции нет единства. П. М. Пильский считает Толстого образцом натуры логичной, последовательной и цельной, поскольку суть толстовского самосознания и учения оставалась неизменной всю его жизнь. Суть эта – «борение человека с самим собой», победа «высшего», духовного начала над «низшим» плотским [6, с. 2]. Противоположной точки зрения придерживаются А. В. Амфитеатров, Г. Г. Сатовский-Ржевский, В. В. Цингер. А. В. Амфитеатров тоже использует мотив «борьбы с самим собой» в характеристике Толстого, но придавая ему противоположную трактовку: Толстой был человеком, раздираемым глубокими противоречиями, в котором трагически боролись рационализм и стремление к вере. Аналогичным образом представляет себе личность Толстого Г. Г. Сатовский-Ржевский, отмечая, что поведение и психология Толстого являли собой «парадокс, гнездящийся на парадоксе». Противоречивость Толстого проявлялась в его постоянной «разъедающей рефлексии», сомнениях [9, с. 3]. В. В. Цингер отмечает, как мало молодой Толстой был похож «на того Толстого, которого позднее знало наше поколение» [17, с. 2]. Удивление вызывает резкая трансформация Толстого, страстного любителя охоты, – в Толстого-вегетарианца; вспыльчивого Толстого, которому «под сердитую руку случалось побить крепостного человека» – в Толстого, с непротивлением злу насилием, преклонением перед народом; Толстого-любителя грубых словечек и сквернословия – в Толстого, который «ругаться вообще не мог» [Там же].

2) Эгоизм. Одна из существеннейших черт личности Л. Н. Толстого, по мнению Г. Г. Сатовского-Ржевского. По его мнению, «грубый эгоизм», «сосредоточенность на себе» Толстого особенно ярко заметны в дневниковых записях, художественном творчестве, проецирующем личные качества писателя, отношениях с семьей и, наконец, в мировоззренческих исканиях. По замечанию Сатовского-Ржевского, в отношениях с близкими, особенно с дочерьми, Толстой также демонстрировал «ревность» и «тщеславие», проистекавшие из эгоцентризма, стремясь навязать свое авторитетное мнение и контролировать все сферы их жизни.

3) Ригоризм, жесткость, бескомпромиссность суждений. Такие качества были присущи Л. Н. Толстому, по мнению ряда авторов, среди которых Г. Г. Сатовский-Ржевский, П. М. Пильский, А. В. Амфитеатров, митрополит Антоний (Храповицкий).

4) Авторская гордыня. Стремясь воплотить в собственной жизни принципы своего учения, Толстой ничуть не беспокоился о чувствах своей семьи и пытался навязать им «ложные» убеждения. С точки зрения Г. Г. Сатовского-Ржевского, скандал с тайным завещанием Л. Н. Толстого и его попытки отказаться от авторских прав на свои произведения – не что иное, как проявление «непомерной» авторской гордыни [11, с. 2].

5) В. Свирский выделяет следующие характеристики личности Л. Н. Толстого: импульсивность, религиозность, любовь к человечеству [12, с. 2]. Любовь к человечеству, проявляющуюся в виде интернационализма Л. Н. Толстого, отмечает П. Тищенко: Толстому присуще «глубоко сочувственное отношение... к нациям Дальнего Востока», «симпатия и интерес» к культуре Японии и Китая [15, с. 3]. Об импульсивности и «вспыльчивости», горячности Толстого пишет также В. В. Цингер [17, с. 2]. Г. Г. Сатовский-Ржевский бегство Толстого из Ясной Поляны считает поступком импульсивным, «лишенным обычной человеческой логики» [9, с. 3].

6) Любовь к своему народу. Качество, которое, с точки зрения большинства авторов дальневосточной эмиграции, служит как бы «искупающим» фактором, оправдывающим все предшествующие негативные личностные характеристики Л. Н. Толстого и придающим статус поистине национального писателя.

Заключение

В результате исследования можно сформулировать следующие *выводы*:

1. Для литературно-критической публицистики дальневосточной эмиграции характерно специфическое восприятие личности и творчества Л. Н. Толстого. Опорой в осмыслении личности и творчества Толстого выступают воспоминания, мемуары, наблюдения и заметки живых современников писателя.

2. Творчество писателя рассматривается преимущественно в биографическом аспекте; основная часть публикаций посвящена проблеме осмысления своеобразия психологического и духовного мира писателя. Восприятие личности Л. Н. Толстого авторами дальневосточной эмиграции является в достаточной мере критическим и полемическим.

3. Основными тенденциями восприятия и репрезентации личности и творчества Л. Н. Толстого являются смысловой акцент на биографии, личной жизни, семейных отношениях писателя; критика религиозно-философского учения Л. Н. Толстого; интерес к психологии и духовному миру писателя. Стремясь создать образ писателя, противоположный советским социологическим штампам («Лев Толстой как зеркало русской революции»), авторы эмиграции обращают внимание на сложность, противоречивость, непоследовательность духовного мира Л. Н. Толстого. Если советское литературоведение предлагает вариант трактовки личности Л. Н. Толстого как человека, всю жизнь преодолевавшего привитые ему сословные, «барские» нормы жизни, то эмигрантская критика создает оригинальный, трагический образ писателя, в ходе духовных исканий утратившего гармонию.

В рамках данной работы на примере публикаций, посвященных Л. Н. Толстому, рассматривается один из аспектов изучения литературно-критического и эстетического наследия дальневосточной эмиграции. *Перспективы дальнейшего исследования* связаны с выявлением типологических идейно-ценностных, проблемных и жанрово-стилевых особенностей восприятия русской литературы представителями дальневосточной эмиграции.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-012-00380, проект «Русская литература в критике и публицистике русской эмиграции Китая».

Список источников

1. Амфитеатров А. В. Житие без чудес // Заря. 1934. 18 ноября.
2. Антоний (Храповицкий А. П.) О Льве Толстом // Русское слово. 1933. 8 октября.
3. Бельговский К. Преследование толстовцев // Заря. 1930. 5 марта.
4. Лович Я. Л. Великий в мелочах. К 30-летию со дня смерти Льва Николаевича Толстого // Заря. 1940. 24 ноября.
5. Пильский П. М. Дни Льва Николаевича Толстого // Заря. 1936. 17 сентября.
6. Пильский П. М. «Мнози борют мя страсти...» // Заря. 1926. 6 июня.
7. Русская эмиграция в Китае. Критика и публицистика. «...сын Музы, Аполлонов избранник»: статьи, эссе, заметки о личности и творчестве А. С. Пушкина / отв. ред. В. Г. Мехтиев. М.: Худож. лит., 2019. 496 с.
8. Сатовский-Ржевский Г. Г. Как «пишется история» // Заря. 1936. 2 февраля.
9. Сатовский-Ржевский Г. Г. Лев Николаевич Толстой. Четверть века «творимой легенды» // Заря. 1935. 17 ноября.
10. Сатовский-Ржевский Г. Г. Тирания любви // Заря. 1932. 13 декабря.
11. Сатовский-Ржевский Г. Г. Трагедия Толстого // Заря. 1935. 29 января.
12. Свирский В. Американский священник об учении Льва Толстого. Гете. Толстой. Три периода его жизни. От нашего собственного шанхайского корреспондента // Заря. 1938. 21 февраля.
13. Стрцов Р. Новое о Толстом // Заря. 1932. 5 февраля.
14. Струк А. А. Восприятие Ф. М. Достоевского в публицистике дальневосточной эмиграции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 12. С. 35-39.
15. Тищенко П. Толстой о нациях Востока. К 20-летию со дня смерти // Заря. 1930. 24 января.
16. Хисамутдинов А. А. Литературные псевдонимы русских эмигрантов в Китае: материалы к справочнику // Русский Харбин, запечатленный в слове / под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. Благовещенск: Издательство Амурского государственного университета, 2017. С. 95-138.
17. Цингер В. В. Мелочи о Толстом // Заря. 1935. 19 июля.
18. Яблоновский А. А. Как хоронили Толстого. К годовщине смерти // Заря. 1930. 28 ноября.

Perception of L. N. Tolstoy in the Far Eastern Emigration's Opinion Journalism

Struk Anna Andreevna

Pacific National University, Khabarovsk
anna.struk88@yandex.ru

The purpose of the study is to identify peculiarities of consideration of L. N. Tolstoy's creative work and personality in the Russian emigration's opinion journalism in Harbin (China). Scientific novelty of the paper lies in studying rare archival materials (the newspapers "Zarya", "Russkoe Slovo") to determine the unique nature of perception of L. N. Tolstoy's personality and creative work in the Far Eastern emigration community. As a result of the study, it was found that Tolstoy's personality is of considerable interest in emigrant criticism; his creative works are interpreted on the basis of the biographical approach; perception of the writer's personality is based on memoirs, recollections and eyewitnesses' observations and is almost completely devoid of apologetics; Tolstoy's religious and philosophical views are perceived critically.

Key words and phrases: journalism of the Russian emigration in China; newspapers "Zarya", "Russkoe Slovo"; reception of L. N. Tolstoy's creative work.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.72>

Дата поступления рукописи: 12.11.2020

Цель исследования – выявить композиционные закономерности трилогии, обозначить ее архитектурно-циклообразующие константы на материале трилогии Дины Рубиной «Наполеонов обоз». **Научная новизна** заключается в следующем: выявлены новые принципы организации текста Рубиной, впервые описаны приемы монтажа различных художественных пространств, использование кинематографических стратегий в организации временного континуума, сопряжение различных хронологических линий по принципу палимпсеста. **В результате** доказано, что этот метод является специфическим для новейшей прозы писательницы и получил наиболее полное развитие в ее трилогии «Наполеонов обоз».

Ключевые слова и фразы: Дина Рубина; трилогия; композиция; монтаж художественных пространств.

Тулушева Елена Сергеевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва
be-so-happy@yandex.ru

Композиционные приемы монтажа в трилогии Дины Рубиной «Наполеонов обоз» как средство циклообразования

Введение

Актуальность изучения прозы Дины Рубиной определяется большим интересом к творчеству писателя не только со стороны читателей, но и со стороны ученых: так, новейшие трилогии буквально в первые годы после появления подвергаются анализу [5; 6], творчеству писательницы посвящаются диссертации [1; 21] и монографии [25]. В то же время обширный корпус исследований, посвященных творчеству Рубиной, не уделяет должного внимания художественному методу монтажа различных временных и пространственных планов в ее прозе.

Это обусловило постановку следующих **задач** исследования: рассмотрение специфического метода «монтажной склейки», сопряжения разноплановых художественных миров в тексте; становление и развитие этого метода в прозе Рубиной; выявление особенностей данного способа организации художественной модели мира в новейшей трилогии писателя «Наполеонов обоз». Для решения поставленных задач использовались **методы** контекстуального анализа, семантического анализа, структурной перекомпоновки хронопов произведения с восстановлением недискретной хронологии.

Проза Дины Рубиной рассматривается современными исследователями через призму «городского текста» – ташкентского, львовского, иерусалимского, сибирского [24; 25], в качестве образца «семейной саги» [1], в разрезе русского мистического реализма [21; 22]. Метод монтажа, используемый писательницей, упоминается в диссертации А. Г. Сильчевой в контексте хронопопической специфики трилогии Рубиной «Люди воздуха»: «...для подчеркивания уникальности личности, стоящей в центре авторского мифа, Дина Рубина творит эоническое время, предполагающее одновременное существование прошлого, настоящего и будущего. Чтобы добиться этого эффекта, она использует перемежающееся в относительно крупных фрагментах текста («Белая голубка Кордовы» и «Синдром Петрушки») и в малых фрагментах («Почерк Леонардо») мозаичное повествование, в ходе которого читатель то сопереживает взрослому герою, то погружается в его детство и юность. Категория пространства в данном случае подчинена категории времени – постоянное переключение временных планов неизбежно предполагает смену локаций» [21, с. 176]. Указанные работы составляют **теоретическую базу** настоящего исследования.